

⁴⁶ Там же. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 45 об., 46.

⁴⁸ Жиров А. А. Немчиновы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 86.

В. В. Хорина

НАУЧНЫЕ ЗАНЯТИЯ КУПЕЧЕСТВА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ТОРГОВЛИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Купечество Енисейской губернии второй половины XIX — начала XX в. на сегодняшний день хорошо изучено, написаны сотни монографий и статей, освещающих вопросы его численности и образа жизни, анализирующих некоторые особенности менталитета купцов и их культурно-образовательный уровень. Подробно рассмотрена их предпринимательская, благотворительная деятельность (см. работы Е. В. Комлевой, А. И. Погребняка, И. О. Туман-Никифоровой, П. Н. Мешалкина и др.). Но ни один из исследователей до сих пор не рассматривал отдельно такой важный аспект деятельности купечества, как его участие в научном изучении Енисейской губернии. Данная статья как раз и представляет собой попытку выявить главные мотивы участия местных купцов в исследовании Приенисейского края, сделать обзор тематики их научных изысканий и оценить их вклад в развитие местной науки.

Представим общую картину предпринимательской деятельности купцов Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX вв.

Более половины губернского купечества занималось только торговлей. Сельскохозяйственному региону с почти отсутствующей промышленностью для удовлетворения потребностей местного населения нужно было вывозить излишки сырья и сельскохозяйственной продукции и ввозить промышленные изделия. Обширность территории губернии, малочисленность ее населения и географическая отдаленность от европейской России и зарубежных стран (в сочетании с отсутствием нормальных путей сообщения) фактически сводили местную торговлю к натуральному обмену: из России в Сибирь поступали мануфактурные товары, а из Сибири в Россию главным образом сырье. Купцы, совершавшие товарообмен между Сибирью и другими регионами, были в основном крупными оптовиками-монополистами¹.

На скупке сырья наживались огромные состояния. Большую роль играло наличие капитала, позволявшего вести закупку в крупных масштабах. Так, минусинские и канские купцы скупали весь хлеб, поступающий из главных

житниц губернии, основными скупщиками рыбы в Туруханском крае были купцы Енисейска, они же закупали и пушнину, и т. д. Скупка сырья и его последующая перепродажа базировалась на принципе «подешевле купить, подороже продать», от которого страдало крестьянство и туземное население, вынужденное сдавать сырье за бесценок и часто получать за него вместо денег, необходимых для уплаты различных податей, мануфактурные товары по баснословным ценам, которые купцы-монополисты навязывали силком².

Среди купцов Енисейской губернии очень долгое время отсутствовала торговая специализация — торговали сразу всем, чем можно было торговать, в одном магазине продавались продукты питания, зерно, одежда, посуда и т. д. Некоторая форма специализации ассортимента начала проявляться только в начале XX в. Формы организации торгового капитала были примитивными, архаичными — доминировала индивидуальная или семейная торговля, многие купцы проявляли полное невежество в отношении новых веяний в деловом мире, не различая товарную биржу и биржу извозчиков, но уверенно вели дела, копируя других предпринимателей³.

До конца XIX в. у местных купцов почти не было внешних конкурентов, конкуренция существовала лишь между ними самими. Но после проведения Транссибирской магистрали торговая монополия приенисейского купечества была разрушена. Свободное поступление (и любыми партиями) товаров из-за Урала резко сократило оптовую торговлю, но увеличило торговлю мелкую и среднюю⁴. Транссиб повлиял и на культурный уровень местной торговли, который до этого был крайне низким, поскольку фабриканты европейской России снабжали Сибирь товарами низкого качества, действуя по принципу «никуда не годное — в Сибирь», а для местного же купечества, соблюдавшего принцип «подешевле купить», это тоже было исходной точкой всей торговой культуры. Внезапное увеличение числа конкурентов поневоле заставило повышать культуру торговли, что проявилось как в активизации рекламной деятельности (где особое внимание уделялось рекламе именно качества товара), так и в появлении таких нововведений, как сезонные распродажи, уценка залежалых товаров и т. д.⁵

Промышленность Енисейской губернии во второй половине XIX в. была в зачаточном состоянии. Купечество и здесь направляло капиталы только в те отрасли, которые были связаны с добычей и обработкой сырья. Но даже в начале XX в. доля направленных в промышленность купеческих капиталов не превышала 10 %. В наибольшей же степени они сосредотачивались в винокурении и золотопромышленности — по причине высокой доходности.

Большинство предприятий золотодобычи в Енисейской губернии вплоть до конца XIX в. находилось на очень низком уровне технического оснащения, через самое малое время эксплуатации прииски буквально разваливались. Их владельцы не стремились применять технические новшества, предпочитая нанимать рабочих-старателей и снабжать их всем

необходимым по высоким ценам, получая выгоду и от добытого золота, и от торговли на приисках⁶.

В 90-е гг. XIX в. произошла структурная перестройка местной золото-промышленной отрасли, связанная с проведением Транссиба, а также с проникновением в Сибирь новой золотодобывающей техники — драги, снижением пошлин на ввоз оборудования и ростом издержек по причине истощения золотых ресурсов. В результате многие золотопромышленники прикрыли свое дело. Другая же их часть, из числа наиболее «продвинутых» (А. А. Савиных, П. К. Гудков, А. П. Кузнецов и др.), стала довольно успешно перестраивать местную золотопромышленность на фабричный лад, проводя техническую и организационную модернизацию отрасли⁷.

Все остальные отрасли промышленности в губернии развивались крайне слабо. В 1860 г., по данным Н. В. Латкина, здесь насчитывалось 27 частных фабрик: 1 стекольная, 1 фаянсовая, 1 писчебумажная, 4 мыловаренных, 5 свечносальных, 2 свечновосковых, 12 дубильных. На большинстве из этих предприятий работало не более 10–15 рабочих⁸.

Для большинства губернских купцов личные финансовые и коммерческие интересы стояли намного выше любых, абстрактных для них, общественных или экономических интересов Сибири. Все, что не обещало быстрой и высокой прибыли, если и не отвергалось, то отодвигалось на задний план. Вплоть до конца XIX в. местное купечество, почти не зная конкуренции, вело дела по своему усмотрению, устанавливая монопольные цены и не считаясь ни с чем, кроме собственного кармана. Потому оно и не видело нужды ни в технических новшествах, ни в новых методах ведения дел, ни в образовании, которое казалось ему чем-то никак не связанным с коммерцией. И уж, тем более, большинство купцов не ощущало никакой потребности в научных изысканиях на территории края.

В 90-е гг. XIX в., после строительства Транссиба, привычное положение вещей стало меняться: в результате большого притока в регион новых людей — специалистов, интеллигенции, чиновников, приезжавших в Сибирь по долгу службы, в условиях отделения статуса предпринимателя от статуса купца (теперь предпринимателем мог стать и оборотистый мещанин, и зажиточный крестьянин), конкуренция стала расти стремительно, местных малограмотных купцов начали вытеснять с сибирского рынка их российские и европейские коллеги (нередко имевшие высшее образование), из-за Урала в Сибирь быстро продвигались передовые формы организации капитала, активизировалось промышленное производство. В это время в губернии как раз назрел и кризис золотопромышленности. Теперь предпринимательство в Сибири требовало гораздо большего напряжения всех физических и интеллектуальных сил. К началу XX в. коммерция и организация производства предполагали наличие у предпринимателя достаточно высокого образовательного и интеллектуального уровня, широкого кругозора, способностей к быстрому освоению новшеств.

В итоге купеческое сословие Енисейской губернии сильно сократилось. Часть его утратила свой статус в результате перехода в другие социальные слои — интеллигенцию, чиновничество и т. д., другая часть разорилась, не сумев приспособиться к новым условиям хозяйственной жизни⁹.

Все вышеперечисленные факторы отлично стимулировали осознание в среде местных купцов необходимости образования, которое способствовало бы пониманию многочисленных технических, экономических, юридических новшеств. В это же время наконец-то пришло и понимание необходимости серьезного научного исследования всей территории Енисейской губернии для выявления новых источников прибыли перед лицом растущей конкуренции. Так на передний план вышли задачи экономического, естественнонаучного (геологического, ботанического, зоологического и т. д.), а также, попутно, и исторического, археологического, этнографического анализа этого огромного края. Именно в этот период многие образованные купцы-предприниматели начали здесь свои научные исследования, порой достигая серьезных успехов.

Итак, в конце XIX — начале XX в. образование в купеческой среде Енисейской губернии стало приобретать все более заметный престиж, о чем красноречиво говорит и тот факт, что если многие представители старшего поколения Кузнецовых, Гадаловых, Кытмановых, Баландиных, Крутовских и других получили только начальное или даже домашнее образование, то младшее поколение этих купеческих семейств почти поголовно (включая и женщин) обучалось уже в средних учебных заведениях Енисейской губернии, а также в университетах Томска, Москвы, Казани, Петербурга и даже за границей, приобретая гораздо более широкий жизненный кругозор, чем у родителей, и уже совершенно иначе оценивая свое предназначение в экономической и общественной жизни¹⁰.

В итоге к последнему десятилетию XIX в. среди губернского купечества стала заметна дифференциация по культурно-образовательному уровню — в его среде появились лица, очень близкие по своим жизненным ориентирам к интеллигенции: члены научных обществ, журналисты, организаторы музеев, краеведы, библиофилы и т. д. В большинстве своем это были люди, занимавшиеся предпринимательской деятельностью, но иногда уже рассматривавшие ее как возможность получать средства для занятий интеллектуальным трудом¹¹. Немалая часть купеческих детей отказалась заниматься деятельностью своих родителей, меняя социальный статус и пополняя ряды учителей, медиков, ученых и т. д. Как примеры такой социальной трансформации упомянем И. Т. Савенкова, братьев Вл. М. и Вс. М. Крутовских, А. А. Ярилова и др. В целом, в конце XIX — начале XX в. купечество стало значительным источником пополнения местной интеллигенции.

Каковы же были научные интересы купцов-интеллектуалов? Во многом они, конечно, определялись далеко не чистой любовью к науке (хотя иногда

присутствовал и такой мотив), и даже не желанием повысить свой авторитет, получить награду или прославиться (хотя было и это), но, в первую очередь, возможностью оптимизировать посредством научных изысканий собственное дело и, соответственно, получить больше прибыли.

Рассмотрим научные интересы купечества Енисейской губернии вкупе с мотивами его научных исследований на некоторых, самых ярких, примерах.

Во второй половине XIX в. в губернии сложилась целая плеяда купцов-меценатов и участников научно-исследовательских экспедиций. В 1854 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев организовал свою знаменитую Амурскую экспедицию, в которой принял как материальное, так и личное участие красноярский купец П. И. Кузнецов, по его собственным словам — «для торговых соображений и с товарищами». Результатом этого предприятия стало освоение Россией Амура и близлежащих земель. Вклад Петра Ивановича в экспедицию был настолько огромным, что современники порой именовали ее «Кузнецовской». Естественно, коммерческие интересы Кузнецова не были забыты: Н. Н. Муравьев даровал ему целый ряд льгот и хозяйственных послаблений. Правда, эти льготы и на четверть не окупили суммы кузнецовского пожертвования на экспедицию — 2 млн. 550 тыс. руб.

После этой экспедиции Кузнецов был избран членом-соревнователем Сибирского отделения РГО и в дальнейшем считал себя обязанным финансировать научную деятельность. Так, в 1875 г. он передал несколько тысяч рублей на исследование морских путей в Сибирь Обществу для содействия русскому мореходству¹².

Таким образом, конечно же, Петр Иванович вкладывал свои финансы преимущественно в такие мероприятия, которые могли бы принести ему прибыль в будущем, но, как мы видим, зачастую он давал на научные исследования гораздо большие суммы, чем мог получить в ответ.

В последней четверти XIX — начале XX в. почти ни одна экспедиция в Урянхайский край (Туву) или Северную Монголию не обходилась без личного или материального участия Г. П. Сафьянова (экспедиции Д. А. Клеменца, Ф. Я. Кона, Н. Ф. Катанова, Г. Н. Потанина, П. Н. Крылова и др.).

Минусинский купец Сафьянов перевел свое дело в Урянхай еще в начале 1870-х гг. и вскоре занял здесь первенствующее положение, учредив в крае ряд торговых факторий. Весь Урянхайский край был в его руках, приiski и стада назывались «сафьяновскими», многие дома принадлежали тоже ему. Георгия Павловича нередко называли «урянхайским губернатором».

Будучи крупным промышленником, постоянно путешествуя по Урянхаю по хозяйственным делам, Сафьянов приобрел обширные знания об этом крае, хорошо знал быт сойотов и предпринимал шаги, направленные к слиянию Урянхайского края с Россией. Он первым выступил с идеей о праве России на бассейны рек, стекающих в Сибирь в направлении с юга на север, настаивая на признании Урянхая русской областью. В 1882 г. обращения Георгия

Павловича к властям о необходимости закрепить за Россией хотя бы ту часть Урянхайской территории в Усинской котловине, где полвека жили русские старообрядцы, увенчались успехом: в состав России вошел Усинский округ.

Среди прочих заслуг Сафьянова — изыскание нового чайного пути из китайского города Калган через Монголию и Урянхай в Минусинск, который оказался короче и удобнее, чем прежний — через Кяхту; участие в разработке проекта строительства железной дороги в Урянхай вместе в Ф. Я. Коном; участие в открытии водного пути в верховьях Енисея и т. д. Минусинский музей тоже во многом обязан своим существованием материальной поддержке со стороны Сафьянова. Он стал первым и самым искренним другом музея, появившись в момент его возникновения и оставаясь с ним до конца жизни. Сафьянов передал в музей множество археологических и этнографических коллекций, жертвовал ему крупные суммы денег, был большим другом самого Н. М. Мартьянова, часами обсуждал с ним, что привезти для музея «из сойот». Георгий Павлович был действительным членом Восточно-Сибирского отдела РГО, опубликовал ряд статей о Туве¹³.

Конечно, и научное исследование Урянхы, и русская колонизация этой территории необходимы были Сафьянову в первую очередь для развития собственной торговли. Набеги сойотов на торговые караваны вкупе с постоянными пограничными разбирательствами между Россией и Китаем и периодическими попытками выдворить русских с этой территории несомненно создавали проблемы и лишали Георгия Павловича части прибыли. Но, в то же время, в деятельности Сафьянова прослеживается и его искренний интерес к этнографии и истории этого малоисследованного края.

Большой вклад в освоение природных богатств Енисейского Севера внес архангельский и красноярский золотопромышленник М. К. Сидоров. В 1859–1861 гг. он профинансировал несколько экспедиций в Туруханский край. Их результатом стало открытие мощного месторождения графита на Нижней Тунгуске, больших запасов каменной соли, золота, железных и медных руд, разработка которых могла бы стать основой экономического расцвета этих северных территорий.

Сидоров участвовал во многих международных выставках со своими коллекциями сибирских минералов, образцами хвойных и лиственных пород деревьев, шкурок пушных зверей и т. д. (Лондон, 1862; Штеттин, 1865; Париж, 1867; Лондон, 1874 и т. д.), повсеместно получая за них медали. Михаил Константинович стремился вывести богатства Севера на европейские рынки, но для этого требовалось, как минимум, открыть Северный морской путь. На реализацию этой задачи, ставшей целью всей жизни, Сидоров израсходовал 1,7 млн. руб. личных средств.

Известному мореплавателю и географу Ф. П. Литке Сидоров предложил назначить премию в размере 14 тыс. рублей тому, кто осуществит первое плавание из Европы в устье Енисея. Аналогичное предложение он адресовал

председателю Лондонского географического общества. Сидоров обращался за поддержкой в Русское географическое и Вольное экономическое общества, не раз делал попытки получить поддержку от чиновников разного уровня — от губернского до министерского, — но им его проекты были не интересны.

В 1862–1863 гг. Сидоров снарядил три экспедиции для исследования водного и сухопутного сообщения между Сибирью и Россией. Желая принять участие в освоении Севморпути он обещал целый ряд финансовых льгот, в том числе снижение фрахтовой платы за каждый пуд доставленного из Сибири в Европу графита. Но, несмотря на выгодные условия, на его предложения откликнулись только три судовладельца — иностранцев пугали риски плавания по суровым северным морям. В поисках единомышленников Сидоров всюду выступал с докладами о необходимости освоения Северного морского пути. И только в 1876 г. А. Норденшельд и Дж. Виггинс смогли проплыть из Европы до устья Енисея с товарами.

Михаил Константинович был членом 25 научных обществ — 19 русских и 6 иностранных, написал несколько книг о ресурсах Сибири: «О богатствах северных окраин Сибири и народах, там кочующих» (СПб., 1873), «Север России. О горных его богатствах и препятствиях к их разработке» (СПб., 1881) и др. В своем завещании он предусмотрел 1 млн. руб. «на пользу человеческую»: для поощрения моряков, осваивающих Северный морской путь, устройство мореходных училищ и на премии за сочинения о Севере¹⁴. В качестве основного мотива научных исследований и здесь мы видим интерес дальновидного купца-предпринимателя, но также ощущается и настоящая страсть Сидорова к открытиям, его авантюрный склад характера.

Принимал участие в освоении Северного морского пути и ратовал за его использование в целях экономического развития Сибири и С. В. Востротин — енисейский золотопромышленник. Получив прекрасное образование сначала в Казанском ветеринарном институте, а затем в Парижской медицинской школе, Степан Васильевич хотел специализироваться на бактериологии, но в 1889 г., после смерти отца, вернулся на родину и, быстро освоив коммерцию и золотопромышленное дело, стал главой семейного предприятия.

Часто бывая по коммерческим делам в низовьях Енисея, Востротин увидел здесь большой потенциал для развития торговли и экономики. В 1893 г. он познакомился с английским капитаном Джозефом Виггинсом, в 1894 г. совершил с ним путешествие из Ньюкасла в устье Енисея, а затем до Енисейска Северным морским путем. Убедившись в огромных возможностях Севморпути для торговли Сибири с Европой, Востротин засел за изучение его истории на протяжении нескольких столетий. В том же году за свое путешествие он избран действительным членом РГО.

В следующие несколько лет Востротин опубликовал несколько десятков статей о Севморпути в российской и сибирской периодической печати, а в 1908 г., став членом Общества изучения Сибири, издал при его поддержке

книгу «Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири» (СПб., 1908), выступая против так называемого «челябинского тарифа», препятствующего развитию хозяйственных связей Сибири с европейской Россией.

Востротин считал, что Транссиб не может решить транспортную проблему в Сибири, поскольку его пропускная способность не так уж велика, а перевозка грузов обходится слишком дорого для мелкого и среднего предпринимателя (при вывозе хлеба из Западной Сибири железнодорожный тариф составлял около 50 % от его цены, а для Восточной Сибири этот тариф вырастал уже почти до 100 %, в результате чего сибирский хлеб становился неконкурентоспособным на внутреннем рынке). Большая же часть Сибири так и оставалась изолированной от железной дороги, находясь от нее на больших расстояниях. По мнению Степана Васильевича, нужно было строить новые железнодорожные ветки (Томско-Енисейскую, Южную сибирскую, Ачинско-Енисейскую и т. д.) и всемерно развивать Северный морской путь. Он был убежден, что выход сибирских товаров через Севморпуть на европейские рынки и беспощинный ввоз товаров в Сибирь коренным образом изменят всю экономическую ситуацию в Сибири, превратив ее из сырьевого рынка для российской промышленности в процветающий край, основой экономики которого будет местная промышленность и сельское хозяйство.

В 1911 г. Востротин был избран депутатом III Государственной думы, где участвовал в разработке законопроектов, касающихся интересов Сибири. Здесь он снова поднял вопрос об использовании Севморпути для торгово-экономических связей Сибири с Европой, не раз выступая с докладами на эту тему. В 1913 г. он по просьбе российского правительства снова проплыл по Северному морскому пути — с Фридьофом Хансеном и Йонасом Лидом — из Норвегии до Диксона и дальше до Енисейска. Пароход Хансена «Коррект» привез немецкий цемент для Алтайской железной дороги, а также грузы снарядивших эту экспедицию компаний. В Енисейске его загрузили уже сибирскими товарами. Плавание оказалось благоприятным и Востротин снова получил подтверждение своей правоты в отношении необходимости использования Севморпути. Для обеспечения же безопасности мореплавания в этих широтах он предлагал оснастить Северный путь радиостанциями, которые будут уведомлять суда о передвижении льдов, а также служить для связи пароходов с портами. При содействии министра путей сообщения С. В. Рухлова ему еще в 1912 г. удалось добиться открытия нескольких таких радиостанций на Югорском Шаре, Новой Земле и полуострове Ямал.

В 1913 г., изучив историю взаимосвязей Сибири с соседними странами, Востротин предложил IV Государственной думе, депутатом которой он был избран, программу возрождения сотрудничества и торговли между Россией и Монголией. Он провел в Кяхте совещание общественных деятелей по монгольскому вопросу, вновь открывшее путь к экономическому сотрудничеству¹⁵.

Таким образом, и М. К. Сидоров, и С. В. Востротин, несомненно, немало поспособствовали развитию торгово-промышленных связей между Сибирью и Европой, между Западом и Востоком (хотя на самом деле превращение Сибири из сырьевой колонии России в такую же сырьевую колонию Европы в результате широкого использования Севморпути вряд ли стало бы для нее большим благом, и мы не знаем, понимали ли это сами купцы-инноваторы).

Немалый вклад в развитие экономики Енисейской губернии внесла В. А. Баландина — енисейская предпринимательница, химик, ботаник и почвовед. Вера Арсентьевна получила блестящее образование — окончила с отличием Бестужевские высшие женские курсы в Петербурге по физико-химическому отделению, училась в Сорбонне, работала в институте Пастера в Париже и в химической школе профессора Гребе в Женеве, получила степень магистра естественных наук, свободно владела тремя языками.

Вернувшись в Сибирь, Баландина жила то в Енисейске, то в Минусинске, в с. Новоселово Минусинского уезда (в котором она родилась), в Томске, занимаясь самой различной деятельностью. Круг ее интересов был широк. По воспоминаниям самой Веры Арсентьевны, работу в Енисейской губернии она начала с химического анализа воды Плотбищенского озера под Енисейском и пришла к выводу о его целебных свойствах. Затем она обустроила в Минусинске метеорологическую станцию и химическую лабораторию. В 1890 г. занялась выведением ксерофильного сорта пшеницы, основав опытное поле вблизи с. Абаканское. Там же Баландина улучшала другие сорта злаков и садовых культур, выращивала лекарственные растения, занималась экспериментальными работами по животноводству. В 1897 г. она открыла на р. Мельничной (в 90 км от Енисейска) первый в Сибири алмаз, исследованный профессором С. Глинкой, за что была избрана пожизненным действительным членом Минералогического общества¹⁶.

В 1906–1907 гг. Баландина лично осмотрела несколько месторождений каменного угля по рр. Туба и Абакан и, обнаружив мощный пласт угля хорошего качества, назвала его Черногорскими копиями и занялась разработкой. Интерес ученого подкреплялся в ней природными задатками предпринимателя. В своих воспоминаниях Баландина писала: «Как известно, угольное дело нельзя вести кустарным способом, поэтому я стала изучать потребителей топлива, знакомиться с промышленностью и транспортом. Промышленность в богатейшем, но оторванном от центра крае была ничтожна. Слабо развитое пароходство жгло дрова, запасая их на всех пристанях. Единственным потребителем угля могла быть сибирская железнодорожная магистраль, расстояние до которой 500 км по Енисею и около 400 — сухим путем до Ачинска. Поняла, что без железной дороги и минерального топлива развитие края невозможно. В ту зиму Минусинской думой ... было собрано совещание о путях сообщения. На совещание пригласили и меня. Большинство высказалось за проведение железной дороги на восток, на Канск, мол, “там много гор,

значит, много полезных ископаемых”. Я стала изучать экономику края, и на месте, и в Москве, в Петербурге и задумала взяться за проведение Ачинск-Минусинской железной дороги»¹⁷.

В 1910 г. Баландина занялась устройством Ачминдора, организовав «Общество Ачинск-Минусинской железной дороги» и раздобыв деньги на ее строительство через консорциум Петербургских банков. Сама Баландина стала основным акционером. Новое дело, богатое и перспективное, позволило бы, наконец, обеспечить пароходы на Енисее углем вместо дров, создать надежную транспортную линию, которая работала бы круглый год, снабжая Транссиб углем с Черногорских копей¹⁸.

Вера Арсентьевна была действительным членом немецкого Химического общества в Берлине, Вольно-экономического общества, Минералогического общества, Физико-химического общества, Общества изучения Сибири в Петербурге, Красноярского отдела РГО, Московского общества сельского хозяйства и т. д. Она была ученым-практиком в полном смысле этого слова — сама ходила в экспедиции, ухаживала за растениями, сама спускалась в черногорские шахты, закупала и устанавливала необходимое оборудование. Ее перу принадлежит более 50 печатных и рукописных работ.

Таким образом, проявляя невероятную активность в целях процветания собственного бизнеса, эта предпринимательница внесла огромный вклад в развитие региона, часто теряя собственные деньги (строительство Ачминдора закончилось только в советское время, причем в годы Первой мировой войны оно не остановилось навсегда благодаря только финансовым вливаниям и постоянной поддержке самой Веры Арсентьевны).

Как мы могли видеть, купечество Енисейской губернии вносило немалый вклад в развитие местной экономики и местной науки как посредством предоставления материальной помощи различным ученым и исследователям, финансирования местных музеев и научных обществ, так и лично участвуя в экспедициях и других научных мероприятиях.

При этом первым и основным мотивом такой деятельности купцов в большинстве случаев была, конечно же, потенциальная личная выгода: создание новых рынков сбыта и, соответственно, открытие новых возможностей для расширения торговли, удешевление процесса добычи сырья, оптимизация производства и т. д., что в конечном итоге способствовало бы получению дополнительной прибыли. Но в отдельных примерах деятельности местных купцов-ученых мы видели и искреннее увлечение наукой, практическими исследованиями, стремление реализовать собственный интерес в избранной сфере, иногда даже в ущерб собственному предпринимательству.

Из купеческой среды Енисейской губернии вышло немало крупных ученых, которые еще в конце XIX — начале XX в. заложили многие основы современной сибирской науки, подготовили почву для широкомасштабных естественнонаучных, исторических, этнографических и других исследований

советского времени, сохраняя редкие документы, собирая археологические и естественнонаучные коллекции и т. д. Более того, они в сотрудничестве с немногочисленной губернской интеллигенцией во многом обеспечили и будущую индустриализацию Сибири, открывая богатые месторождения полезных ископаемых, прокладывая морские и сухопутные транспортные пути, делая первые попытки модернизации местной промышленности и сельского хозяйства, осваивая новые методы хозяйствования и технические новшества. Все это очень пригодились во время грандиозных строек первых десятилетий советской власти.

Примечания

¹ *Туман-Никифорова И. О.* Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX — начало XX вв.): Учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей вузов. Красноярск, 2003. С. 78–80.

² Там же. С. 81–82.

³ Там же. С. 88; *Деловая элита старой Сибири: Ист. очерки.* Новосибирск, 2005. С. 80–81.

⁴ *Туман-Никифорова И. О.* Гильдейское купечество... С. 84–85.

⁵ Там же. С. 85–87.

⁶ Там же. С. 83–84, 88–91.

⁷ *Рабинович Г. Х.* 1) Из истории золотопромышленности Енисейской губернии конца XIX века // *Вопросы истории Сибири.* Вып. 1. Томск, 1964. С. 79; 2) Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975. С. 127–128.

⁸ *Латкин Н. В.* Красноярский округ Енисейской губернии: Очерк. СПб., 1890. С. 24.

⁹ *Туман-Никифорова И. О.* Гильдейское купечество... С. 97.

¹⁰ *Юшкова Р. И.* Социальный облик и менталитет купцов Енисейской губернии XIX–XX вв. // *Енисейской губернии — 180 лет: Материалы IV краевед. чтений,* Красноярск, дек. 2002 г. Красноярск, 2003. С. 66.

¹¹ *Комлева Е. В.* Сибирское купечество как источник формирования региональной интеллигенции (конец XVIII — начало XX века) // *История Сибири, 1583–2006: Проблемы и перспективы:* Сб. материалов регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 98–99.

¹² *Малашин Г., Развожаев М.* Кузнецовы: польза, честь, отечество, Суриков // *Суриковские чтения: Науч.-практ. конф.* 2003. Красноярск, 2004. С. 78–79; *Мешалкин П. Н., Одишова М. Н.* Предприниматели Енисейской губернии (19 — начало 20 века): Монография. Красноярск, 2004. С. 10–12.

¹³ *Мешалкин П. Н.* Минусинские купцы и музей Н. М. Мартянова: 1877–1904 гг. // *Мартяновские краеведческие чтения (1989–1999 гг.): Сб. докл. и сообщ.* Абакан, 1999. С. 40; *Погребняк А. И.* Купцы-предприниматели Енисейской губернии: Учеб. пособие. Красноярск, 2002. С. 336–338; *Урянхайский губернатор* // *Мир праху. Честь имени.* Минусинский некрополь. Минусинск, 2009. С. 32–33.

¹⁴ *Жилинский А. А.* Россия на севере: (К описанию жизни и деятельности М. К. Сидорова). Архангельск, 1918; *Мешалкин П. Н., Одишова М. Н.* Предприниматели Енисейской губернии... С. 6–9; *Гончаров А. Е.* Роль М. К. Сидорова в освоении Северного морского пути // *Культурно-историческая среда и предпринимательство Сибири: Материалы III межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. Междунар. дню памятников и ист. мест,* 17 апр.

2008 г. Красноярск, 2008. С. 172–179; *Комлева Е. В.* Роль купечества в освоении Туруханского края (конец XVIII — начало XX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, № 8. С. 52–53.

¹⁵ *Преображенский А. А.* Буржуазия Енисейской губернии о торговле по Северному морскому пути в конце XIX — начале XX века // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 441, 450; *Погребняк А. И.* Купцы-предприниматели... С. 22–31; *Федорова В. И.* К изучению экономической программы сибирской буржуазии (по материалам политической биографии С. В. Востротина) // Красноярский край — 70 лет исторического пути: Материалы V краевед. чтений, Красноярск, нояб. 2004 г. Красноярск, 2005. С. 195.

¹⁶ *Баландина В. А.* Из воспоминаний // Енисей. 1989. № 1. С. 77–78; *Щербаков А.* Сибирская бестужевка // Енисей. 1989. № 1. С. 73–74; *Казакова Е. Н.* К 100-летию читальни им. А. С. Баландина // Мартыановские краеведческие чтения (1989–1999 гг.). С. 197; *Мешалкин П. Н., Одицова М. Н.* Предприниматели Енисейской губернии... С. 44–48; *Долидович О. М., Федорова В. И.* Женщины Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.: (демогр., соц., проф. аспекты): Монография. Красноярск, 2008. С. 110–111, 180–182.

¹⁷ *Баландина В. А.* Из воспоминаний. С. 78.

¹⁸ *Баландина В. А.* Восстановление истины. Красноярск, 1918. С. 14; *Перезовова В. А.* Предпринимательская деятельность В. А. Баландиной на юге Енисейской губернии в начале XX в. // Мартыановские краеведческие чтения (2005–2006 гг.): Сб. докл. и сообщ. Вып. 4. Абакан, 2007. С. 119.

Л. Н. Велиховский, Т. Н. Кандаурова

РОССИЙСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В российском социокультурном процессе XIX — начала XX в. купечество наряду с представителями дворянства и интеллигенции занимает одно из ведущих и значимых мест. Оно являлось одним из главных созидателей нового социокультурного пространства и культурного потенциала страны. Данный хронологический период стал временем активного включения отечественного купечества в развитие социальной и культурной сфер, как непосредственно, так и опосредованно. По мере роста экономической активности купеческого сословия, расширения торговой и предпринимательской деятельности, что было обусловлено реформационными и модернизационными процессами, росла и его социокультурная активность, происходила динамичная интеграция в социокультурное пространство страны и в процесс созидания культурных ценностей. Укрепляя свои позиции в экономической сфере и в процессе формирования материальной базы отечественного производства, торговли и банковской сферы, российское купечество наращивало и активизировало не только деловую, но и общественную, культуротворческую и культуросозидательную деятельность. Одновременно российское ку-